

«Голова» государства

Вопрос о личном участии Федора Алексеевича в делах Российского царства остался без монографического исследования, не считая дилетантской книжечки В.Н. Берха и едва начатой работы Е.Е. Замысловского. Между тем совершенно очевидно, что при Федоре не было одного лица или стабильной группы лиц (фаворитов, регентов или правителей), которым можно было бы приписать его стабильный политический курс по целому ряду направлений.

Прежде всего, в отличие от значительной части царствования Алексея Михайловича (1645–1676 годы), правлений Царевны Софьи (1682–1689 годы) и царицы Натальи Кирилловны (1689–1694 годы), при Федоре Алексеевиче не было первого министра, Посольским приказом, обычно таковому поручавшимся, ведали дьяки, а должность канцлера занимал невеликий администратор Д.М. Башмаков. Отказавшись передавать государственные печати первому министру, и до, и после него как бы представлявшему царя в правительстве, Федор Алексеевич с начала царствования склонен был подчеркивать значение самих печатей.

В управления центральными государственными учреждениями – приказами – прослеживаются изменения, которые можно оценить как элементы фаворитизма. Царский родственник И.М. Милославский в безумной погоне за властью шаг за шагом объединил в своих руках к началу 1679 года десять приказов, но в том же году семь из них потерял, а к концу 1680 года сохранил лишь один приказ, хотя был вхож во дворец, заседал в Думе и время от времени получал от царя лестные поручения (например, объявлял указы).

Клан Хитрово, еще при Алексее Михайловиче державший в своих руках чуть не все дворцовое ведомство (шесть приказов), после смерти его главы Богдана Матвеевича 27 марта 1680 года утратил монополию, хотя остался влиятельным благодаря царскому «дядьке» Ивану Богдановичу, никогда, впрочем, не претендовавшему на лавры политика. К концу царствования только Долгоруковы контролировали семь приказов, что было связано с военно-административной реформой (с конца 1680 года).

Крупнейшие государственные деятели Одоевские ведали всего двумя приказами, а Голицыны – одним (да и то недолго). Центр тяжести конкретных государственных решений переместился в Думу, о чем Федор Алексеевич заявил уже на третий день царствования со свойственной его именным указам энергией и лаконичностью:

«Боярам, окольничим и думным людям съезжаться в Верх в первом часу (то есть с рассветом) и сидеть за делы».

Сам он вскоре присоединился к боярам, причем для ускорения работы часть дел рассматривал лично. Так, на пятнадцатый день царствования Федор Алексеевич повелел ныне и впредь решать дела всех подвергнутых предварительному заключению в Разбойном приказе без промедления «и колодников освобождать без всякого задержанья», а дела, которые судьи не могут решить быстро, докладывать ему самому. Борьбой против извечного русского бича – бесконечного предварительного следствия и тюремного мучительства – царь занимался с присущей ему последовательностью.

Учитывая также указы о совершенствовании гражданского суда, не позволяющие подданным волокитить друг друга, надо признать, что Федор Алексеевич хорошо усвоил схоластический постулат, что надежда граждан на скорый и правый суд есть необходимое условие социального мира. Этому учил его в детстве Симеон Полоцкий, это настойчиво подчеркивал другой ученик Полоцкого – Сильвестр Медведев, писавший царю:

Ничто в мире лучше, яко глава

Крепкого тела, егда умна, здрава.

«Головой» государства был царь и его «синклит» (совет), укреплением которого Федор Алексеевич и занялся. При Михаиле Романове Боярская дума насчитывала в начале и конце царствования двадцать восемь – двадцать девять человек (иногда их было до тридцати семи); при Алексее – шестьдесят пять – семьдесят четыре человека. За свое краткое царствование Федор довел число думцев с шестидесяти шести до девяноста девяти; при этом число думных дьяков стабилизировалось, думных дворян – даже сократилось, а число окольничих хотя и выросло с тринадцати до двадцати шести, но осталось в пределах их численности при отце.

Особенностью царствования Федора было почти полное отсутствие «праздничных» пожалований чинов (в связи с коронацией, женитьбой, рождением сына и т. п.), когда они

раздавались в основном родственникам и фаворитам. Боярство жаловалось соответственно знатности рода, военным заслугам, роли в дворцовом управлении и лишь в последнюю очередь – благодаря личной близости к государю.

Отсутствие ярко выраженного преобладания в Думе какой-либо группировки способствовало значительному смягчению придворной борьбы и увеличению продуктивности работы. Законодательство, особенно близкое родовому дворянству поместно-вотчинное, совершенствовалось сравнительно с Уложением 1649 года весьма энергично. Царь и Дума неоднократно утверждали даже не отдельные законы, а серии из десятков новых статей к Уложению.

Эти обширные дополнения и еще более семидесяти отдельных указов последовательно укрепляли и расширяли земле– и душевладение служилых феодалов, заботливо оберегали родовую собственность, сближали поместья с вотчинами и увеличивали вторые за счет первых. Дворянство ограждалось от притока лиц из податных сословий, а крестьяне сближались с дворовыми и холопами.

Лично Федора Алексеевича этот отлаженный процесс не очень занимал. Если дополнительные статьи к Уложению по вопросам судопроизводства он утвердил сам, на основе справки из Судного приказа, но без Думы, то поместно-вотчинные узаконения в некоторых случаях вводились в действие без царя, одним боярским приговором. Формула «государь указал и бояре приговорили» менялась в таких случаях на «по указу великого государя бояре приговорили», то есть фиксировала трансляцию полномочий сюзерена на высшее государственное учреждение.

Еще дальше этот процесс зашел в области административной практики, к которой государь прилежал с первых дней царствования. Четвертого августа 1676 года Федор Алексеевич утвердил скользящий график обсуждения в Думе дел по докладом из всех приказов. Но его собственные отлучки из столицы, особенно частые в теплое время года, не позволяли Думе непрерывно (кроме выходных) заседать в полном составе. В этом случае в Москве «для дел» оставлялась думская комиссия.

По традиции, назначение в ее состав считалось почетным и царь не мог отказать в нем представителям родовой знати, ссылавшимся «на старину». Записи в дворцовых разрядах с сентября по декабрь 1676 года и с марта 1678 года по октябрь 1680 года показывают, что из восемнадцати оставшихся «в царево место» бояр одиннадцать назначались от одного до трех раз, пятеро – от шести до семи раз.

Конечно, стабильность управления обеспечивали профессионалы, ведавшие делопроизводством: печатник Д.М. Башмаков и думный разрядный дьяк В.Г. Семенов. Постепенно Федор Алексеевич ввел постоянную должность председателя боярской комиссии (Я.Н. Одоевский) и его заместителя (А.А. Голицын), что и было отмечено в разрядных записях. Первый оставался в Москве шестнадцать, второй – двенадцать раз.

Логичным завершением этого процесса стало превращение комиссии Боярской думы в Расправную палату, которая по месту заседаний называлась также Золотой. Восемнадцатого октября 1680 года царь именным указом повелел: «Боярам, и окольниковым, и думным людям сидеть в Палате, и слушать изо всех приказов спорных дел, и челобитныя принимать, а его великого государя указ по тем делам и по челобитным чинить по его великаго государя указу и по Уложению». Двенадцатого августа 1681 года Федор Алексеевич указал чиновникам, «которые сидят у росправных дел в Золотой палате... как учнут дела чьи, или свойственников их слушать– и тем в то время из палаты выходить».

«Серьезную перестройку с целью упрощения и дальнейшей централизации» отметил при Федоре лучший знаток истории приказов. Общее их количество сократилось с сорока трех до тридцати восьми, зато штат подьячих вырос колоссально. При Алексее (в 1664 году) в сорока трех приказах работал семьсот семьдесят один человек, при Федоре уже в 1677 году было на то же число учреждений тысяча четыреста семьдесят семь подьячих, а в конце его царствования в тридцати восьми приказах их было тысяча семьсот два! Крупнейшие ведомства насчитывали более четырехсот сотрудников, средние – семьдесят – девяносто, мелкие – тридцать – пятьдесят. Количество судей сократилось с сорока трех до тридцати одного, дьяков осталось столько же (приказных – сто двадцать восемь – сто двадцать девять).

Именными указами Федор Алексеевич установил единое время работы сотрудников центральных ведомств, от бояр-судей до подьячих: пять часов с рассвета и пять часов перед закатом (согласно русскому счету часов). Уже в 1677 году он повысил статус управлявшегося дьяками Разрядного приказа: отныне всюду, кроме учреждений, возглавляемых боярами и окольниковыми, они посылали не памяти, а указы.

Традиционная коллегиальность управления приказами была ограничена: с 1680 года имена «товарищей» главного судьи было в бумагах писать не велено. Тогда же имена думных дьяков было указано писать с полным отчеством, как и бояр. Наконец, в 1680 году Федор Алексеевич провел полную ревизию центральных ведомств, а в следующем году предложил им представить генеральную справку о совершенствовании законов.

Уже при упразднении Монастырского приказа в 1677 году царь позаботился, чтобы финансовые его дела попали в специализированную на них Новую четверть. В 1680 году

разбросанные по разным приказам финансовые дела были объединены в Большой казне, а помеотно-вотчинные сконцентрированы в Поместном приказе.

Седьмого ноября 1680 года Федор Алексеевич объединил управление военными приказами – Разрядным, Рейтарским и Иноземным (он ведал солдатами) в руках известного военачальника боярина князя Ю.А. Долгорукова, а двенадцатого числа издал развернутый именной указ о военно-административной реформе. Отныне все приказы, кроме названных и Стрелецкого (также управлявшегося Долгоруковым), теряли военные функции; лишь в ведении Сибирского и Казанского приказов оставались местные войска, но и они входили в округа, образованные по военно-окружной реформе.